

фестиваль

Газета - 2003 - 27 июня - с.9.

АРТУР СОЛОМОНОВ

На Чеховском фестивале один за другим показали спектакли, поставленные крупнейшими режиссерами Европы по русским романам и пьесам. Следом за «Мастером и Маргаритой» Франка Касторфа в Москву приехал Маттиас Лангхофф. В генуэзском Teatro di Genova он поставил гоголевского «Ревизора».

На пресс-конференции, спектаклю посвященной, режиссер и актеры в один голос говорили, что русская пьеса, написанная о городке, от которого хоть сто верст скачи — никуда не доскачешь, предельно актуальна для современной Италии. А поскольку сам режиссер родом из Германии, а живет сейчас во Франции, то он заверил, что

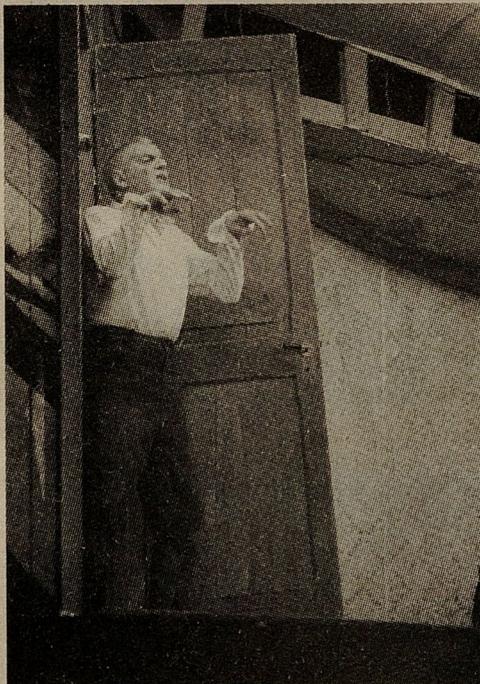
линии пьесы. Лангхофф решил не мучиться выбором и все религиозно-мистическое отдал декорациям, музыке, а все, что касается «социальной сатиры» и комедийной легкости, отдал актерам. На мой взгляд, вневильная линия победила сразу. То тут, то там появляющиеся сценки из Страшного суда и грозное начало пятой симфонии Бетховена не мистифицируют ситуацию. Страшного суда не будет. Будет разве что суд, который учинит судья Ляпкин-Тяпкин. А этого всегда можно умаслить. Декорации великолепны. Это сложная крутящаяся штука: прямые лестницы, косые башни, лестницы, огибающие конструкцию, комнаты крохотные, комнаты побольше... Декорации играют вместе с актерами: вот актеры бегут по вращающейся лестнице, спотыкаются, наступают друг на друга; вот Хлестаков в уютном, но грязном туалете совращает городничиху; вот он, зави-

дев городничего, пытается протиснуться в окно, больше похожее на иллюминатор. Все это было бы прекрасно, если бы не длилось четыре часа, а актеры не играли бы так подробно. Жванецкий говорил, что, глядя, как играет Вячеслав Полунин, он вспоминает вечную женскую просьбу: «Пожалуйста, помедленнее!». Но всему есть предел. Так долго держаться на пике страсти мало кому удастся. Не удалось и Лангхоффу. И зритель то смеется, то скучает. Однако когда начинаются концертные номера и итальянцы с очаровательным акцентом затягивают русские песни, зал изнывает от восторга.

«Фекальная» тематика представлена не широко, но и стороной не обойдена. Один из просителей, войдя к Хлестакову, описался со страху. Хлестаков блеванул на фрак городничему, а тот обомлел от счастья. Столичный фат признается в любви дочке городничего, та в шоке садится на унитаз, и слышен смыв. Не то что бы высокое и низкое здесь слиты, между ними и различия почти никакой. Признание Хлестакова в любви достойно только такого аккомпанемента. Поэтому, когда высеченная унтер-офицерша (здесь она почему-то жена слесаря) показывает Хлестакову истерзаный зад, нам открывают соответствующий фрагмент «Страшного суда». И никакого диссонанса. То есть это я опять к тому, что линия пошлости поглощает без труда линию высокого и прекрасного. Не то чтобы я присоединяюсь к тем критикам, которые упрекали Гоголя: «А идеалы где? Где положительный герой?». Бог с ними, с идеалами. Если бы их в спектакле Лангхоффа вовсе не существовало — было бы превосходно. Но они заявлены. Как будто для галочки, для усложнения и возвышения того, что на сцене происходит. Кстати, если режиссер так много раз поминал Мейерхольда, то для последнего одним из главных вопросов было — как подвести к немой сцене? Не как показать эту сцену, а как к ней подвести. То есть чтобы внезапный слом легко и резво летящего действия был оправдан. У Лангхоффа свой финал. Городничий в истерике. Новый ревизор материализуется — это важный, насквозь официальный чиновник. За ним следом, с верхнего этажа, сквозь множество дверей, проползают две огромные крысы. Именно те, что приснились городничему до приезда ревизора. Потом, когда актеры вновь споют русскую песню, эти крысы будут городничего грызть: одна — плечо, другая — грудь. Простор для интерпретаций такой, что лучше присоединиться к тем, кто застыл в немой сцене.

крысы загрызли

и в Берлине, и в Париже полно хлестаковых и городничих. И все побаиваются ревизора. Режиссер не стал резать и кроить текст. Никакой деструкции. Если сравнить то, что сделал с «Мастером и Маргаритой» Франк Касторф, и то, как обошелся с «Ревизором» Лангхофф, то первый бросил героев русского романа в большую коробку, захлопнул, хорошенько потряс, пока они сознание не потеряли, и достав их оттуда свеженькими, начал свои игры. Настолько свои, что говорить о верности тексту в этой ситуации — все равно что говорить о верности какого-нибудь шейха одной из тысячи своих наложниц. Касторф верен только себе. Лангхофф отнесся с пиететом не только к русской пьесе, но даже к постановке Мейерхольда, осуществленной в двадцатых годах прошлого века. И несколько раз ее процитировал. Впрочем, это были несущественные эпизоды. Спектакль Лангхоффа — забавный. С хорошими актерскими работами. С русскими песнями. С огромной картиной «Страшный суд» Микеланджело. Она закрыта черным движущимся холстом, и мы видим лишь некоторые «сцены». А к финалу «Страшный суд» предстает перед нами весь. Кстати, о Страшном суде. Режиссер попытался скрестить две концепции, обычно применяемые в «Ревизоре»: одна, мистическая, гласит, что Хлестаков — это чуть ли не сам дьявол, обаянию которого поддаются жители убогого городка, другая сосредотачивается на общественно-политической

Феруччо Салери, полюбившийся Москве за роль Арлекина в спектакле Стреллера, на этот раз играет слугу Хлестакова Фотограф: Игорь Захаркин/Газета